

Ольга Эдельман

О политическом лексиконе П. И. Пестеля

Эдельман Ольга Валериановна, кандидат исторических наук, главный специалист, Отдел изучения и публикации документов Государственного архива Российской Федерации.

edelmanO@yandex.ru

Аннотация: В статье обсуждается основной понятийный политический лексикон Павла Пестеля и ставится вопрос, какой конкретный смысл для него означал выбор того или иного слова из политического словаря или варианта перевода иноязычного понятия. Работа базируется на тексте «Русской Правды» Пестеля с привлечением других его сочинений, показаний на следствии и конституционного проекта Никиты Муравьева. Декабристы принадлежали к слоям русского дворянства, в быту говорившего и писавшего на французском языке. По-французски они обсуждали и свои политические идеи, что должно было замедлять выработку соответствовавшего русского понятийного аппарата. Однако свои конституционные проекты они писали по-русски, что и позволяет поставить вопрос о выработке ими политического понятийного лексикона. Пестель под воздействием идей А. С. Шишкова составил словарики «чисто русских» терминов на замену иностранным заимствованиям, однако не воспользовался ими при составлении «Русской Правды». Избегая по возможности галлицизмов, он использовал преимущественно уже устоявшиеся, общепонятные русской публике слова. Прослеживаются особенности выбора терминов Пестелем, какие понятия для него важны (народ, государство, гражданин, свобода, выборы, представительное правление, благоденствие и др.), какие встречаются изредка (нация, подданство, демократия), какие, вопреки

ожиданиям, отсутствуют (монархия, республика, конституция). Сопоставляется употребление основных понятий у Павла Пестеля и Никиты Муравьева.

Ключевые слова: декабристы, конституционный проект, общественная мысль, политическая мысль, политический понятийный аппарат.

On P. I. Pestel's Political Vocabulary

Edelman Olga Valerianovna, PhD (History), Chief Specialist, Department for Documents' Study and Publication, State Archive of the Russian Federation.

edelmanO@yandex.ru

Abstract: The article discusses Pavel Pestel's basic conceptual political vocabulary and raises the question of what specific meaning the choice of a word from a political dictionary or a translation of a foreign concept meant to him. The work is based on the text of Pestel's «Russian Truth», with the involvement of his other writings, testimony at the investigation and Nikita Muravyov's constitutional draft. The Decembrists belonged to the strata of the Russian nobility, who spoke and wrote in French at home. They also discussed their political ideas in French, which was supposed to slow down the development of a corresponding Russian conceptual framework. However, they wrote their constitutional drafts in Russian, which allows us to raise the question of their developing a Russian political conceptual vocabulary. Pestel, influenced by the ideas of A.S. Shishkov, compiled dictionaries of "purely Russian" terms to replace foreign borrowings, but did not use them in the compilation of "Russian Truth". Avoiding gallicisms as much as possible, he used mostly well-established words that were generally understandable to the Russian public. The features of Pestel's choice of terms are traced, which concepts are important to him (people, state, citizen, freedom,

elections, representative government, prosperity, etc.), which are rare (nation, citizenship, democracy), which, contrary to expectations, are absent (monarchy, republic, constitution). The use of basic concepts by Pestel and Nikita Muravyov is compared.

Key words: Decembrists, constitutional draft, public thought, political thought, political conceptual apparatus.

Актуальные для современной науки штудии в области истории понятий до сих пор если и распространялись на наследие декабристов, то лишь изредка, в качестве отдельных примеров бытования тех или иных терминов. Надо отметить касавшихся этой проблемы в рамках исследования истории республиканской идеи в России А. И. Миллера и М. Б. Велижева, особенно соображения первого об использовании понятий *народ* и *нация* (здесь и далее курсив мой, если не отмечено иное. — *Прим. авт.*)¹; М. П. Одесского, рассмотревшего бытование русских переводов французского слова *révolution*²; Д. В. Тимофеева, который указал на наличие исследовательской перспективы, проиллюстрировав ее примером употребления в декабристских текстах концепта «Просвещение»³. В. С. Парсамов, анализируя различные аспекты рецепции декабристами французской мысли, остановился, в частности, на понимании феномена революционного террора (*terreur*) и перевода его как *ужасов революции*; для моей работы важны страницы его книги, посвященные языковым экспериментам П. И. Пестеля в духе идей А. С. Шишкова⁴. Автор настоящих строк обращалась к особенностям бытования

- 1 Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века/под ред. К. А. Соловьева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. М. Б. Велижевым написана глава VI «Республиканизм в общественной мысли России первой половины XIX в.», А. И. Миллером — глава VII «Империя и нация».
- 2 Одесский М. П. Вольнодумный тезаурус декабристов. *Révolution — революция — переворот — превращение* // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы/сост. О. И. Киянская, М. П. Одесский, Д. М. Фельдман, отв. ред. О. И. Киянская. М.: Издательство РГГУ, 2008. С. 494-502.
- 3 Тимофеев Д. В. История декабризма в контексте методологии истории понятий: перспективы и принципы применения // Историческая память России и декабристы. 1825-2015. Сб. материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14-16 декабря 2015 г.)/сост., отв. ред. П. В. Ильин. СПб. — Иркутск: Иркутский обл. историко-мемориальный музей декабристов, 2019. С. 127-135.
- 4 Парсамов В. С. Декабристы и Франция. М.: Издательство РГГУ, 2010. С. 154-161, 186-190.

у декабристов понятий *свободомыслие/свободный образ мыслей, вольнодумство*⁵. Однако специальных работ именно о декабристской политической лексике во всем ее спектре все еще мало, а разговор о ней трудно отделить от более широкой проблемы изучения декабристской политической мысли. При обсуждении истории понятий внимание исследователей сосредоточено преимущественно на XVIII в.⁶, тогда как веку XIX внимания доставалось меньше, вероятно, из-за подспудного ощущения, что он уже вполне современный и не нуждается в особой ревизии понятийного аппарата. Вместе с тем очевидно — именно время существования декабристских тайных обществ было переломным между двумя эпохами, что, собственно, и нашло выражение в факте возникновения тайных обществ. Это не могло не отразиться и на языке, которым пользовались декабристы при формулировании своей политической мысли и программы.

Достаточно много уже сказано о разнообразных влияниях на декабристскую мысль: о роли идей французских просветителей и актуальной для того времени французской политической мысли, английской политэкономии, античных классиков. Авторы, изучающие рецепцию русской публикой и соответственно русским языком тех или иных понятий, прослеживают их изменения во времени. Мне в данной работе хотелось бы оставить в стороне череду заимствований и трансформаций идей и их названий. На данном этапе, как кажется, нужно зафиксировать основной понятийный политический лексикон декабристов и, не вдаваясь пока в вопрос о том, откуда и каким путем (через какие книги, каких авторов) пришло то или иное понятие, задуматься, какой соб-

5 Эдельман О. В. 1812-й год и генезис декабризма // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 3-7; переиздание: Эдельман О. В. Опыт 1812 года, патриотизм и вольнодумство // Эдельман О. В. Павел Пестель: Очерки. С приложением «Русской Правды» П. И. Пестеля [1824]. М.: Модест Колеров, 2022. С. 80-94.

6 Работы Е. Н. Марасиновой, С. В. Польского, Д. А. Бадаляна, М. В. Калашникова, Д. А. Сдвижкова, М. А. Киселева и др.

ственно конкретный смысл вкладывали в него декабристы и почему было выбрано именно это слово или этот вариант перевода.

Декабристское наследие, которое можно было бы подвергнуть анализу, в значительном большинстве создано в сибирской ссылке и даже после нее, а значит, относится уже к более поздней эпохе. За 1830-1850-е гг. русское общество проделало огромный путь идейного, а вместе с ним и языкового развития. Ссылные декабристы, как известно, не были в культурной изоляции, следили за литературными новинками, выписывали журналы и газеты. Их произведения сибирского периода и воспоминания могут стать предметом изучения как своеобразные образцы рецепции идей и понятий в эпоху великих реформ. Декабристских текстов, созданных в середине 1810-х — первой половине 1820-х гг., то есть в период тайных обществ, не так уж много. Помимо литературных произведений и литературно-критических статей (которые нам не подходят, ибо в них просто нет репрезентативной лексики политического ряда), это главным образом комплекс показаний на следствии и конституционные проекты. Имеется еще устав Союза благоденствия, но он требует особого и внимательного подхода, так как тесно связан не просто с общественно-политической лексикой, но еще и с традицией масонства и иностранных тайных обществ (Тугендбунд, иллюминаты), имевших собственный характерный вокабуляр и послуживших образцами, а местами источниками заимствования при составлении «Зеленой книги», устава Союза благоденствия⁷.

Конкретизируя задачу данной статьи, я хочу обратиться к понятийному аппарату П. И. Пестеля, взяв за основу «Русскую Правду», сохранившиеся вместе с ней иные рукописи декабриста⁸

7 См. об истории создания этого памятника: МIRONENKO С. В., ЭДЕЛЬМАН О. В. Устав Союза благоденствия («Зеленая книга») // Ежегодник Государственного архива РФ: публикации, исследования, рецензии/ гл. ред. С. В. МIRONENKO. М.: б/и, 2024. С. 554-583.

8 Опубликовано в: Восстание декабристов. Т. VII. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958.

и его показания, особенно те два известных ответа, где он изложил историю своих взглядов. Это пункт 7 ответов на «вопросы о воспитании» (он содержал вопрос «С которого времени и откуда заимствовали первые вольнодумческие и либеральные мысли, то есть от внушений ли других или от чтения книг, и каким образом мнения сего рода в уме вашем укоренились?»), на который Пестель дал обстоятельный ответ⁹; а также ответ на вопросные пункты от 13 января 1826 г., содержавшие сходный вопрос «Каким образом революционные мысли и правила постепенно возрастали и укоренились в умах?», в ответе Пестель написал знаменитое «дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать»¹⁰. Эти два показания имеют характер политического суждения, далеко не всегда появлявшийся на допросах, что ценно для задач настоящей работы.

Хотя меня будет преимущественно интересовать Пестель, полезны и сопоставления с текстом конституционного проекта Н. М. Муравьева. Он дошел до нас в трех редакциях: рукопись, изъятая при аресте у С. П. Трубецкого, считается самой ранней; вторая находилась с бумагами И. И. Пущина в портфеле, отданном им перед арестом и в итоге хранившемся у кн. П. А. Вяземского до возвращения Пущина из Сибири; третий вариант текста был написан Н. М. Муравьевым в крепости по требованию Следственного комитета¹¹. Я выбрала для анализа пушинскую рукопись просто потому, что она самая длинная из трех¹². Надо учитывать, что «Русская Правда» значительно объемнее муравьевского про-

9 Восстание декабристов. Т. IV. М. — Л.: Государственное издательство, 1927. С. 89-92.

10 Там же. С. 105.

11 Историю текста конституционного проекта Н. М. Муравьева см.: Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н. М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985 (переиздание работы, первое издание вышло в 1933 г.). См. также: Эдельман О. В. Конституционный проект Н. М. Муравьева // Восстание декабристов. Т. XXIV (в печати).

12 Опубликовано в: Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 268-295.

екта: в ней по современным меркам чуть более 7 авторских листов, тогда как в пушинском варианте конституции Муравьева всего полтора авторских листа. Муравьев свой конституционный проект написал и перерабатывал, Пестель же «Русскую Правду» не закончил, из запланированных десяти глав вчерне составил пять, причем ненаписанными остались как раз разделы об организации власти, форме правления. Это заведомо должно создать определенный тематический перекося: лексики, описывающей систему правления, у Пестеля меньше, чем было бы в завершенном тексте.

Образованные люди декабристского поколения жили в двуязычной среде. Французский язык был языком повседневного общения знатных семей, на нем вели переписку, дневники. Разговоры декабристов и, более широко, людей их круга о политике происходили преимущественно на французском. Труды французских политических мыслителей для русских читателей первых десятилетий XIX в. перевода не требовали, английских авторов читали во французских переводах (английский язык в то время учили весьма редко). По моим подсчетам на основании имеющихся в следственных делах формулярных (послужных) списков 193 декабристов, из них французским языком владели 130 человек, немецким — 113, английский же знали только 8 человек. Конечно, существовали не столь рафинированно образованные армейские офицеры из небогатого провинциального дворянства, у которых гувернеров-иностранцев не было и языки они знали слабо, даже если изучали их в кадетском корпусе. Но ведущие идеологи декабризма обсуждали свои идеи по-французски. Это придавало специфику процессу трансфера понятий, образования аналогов в русском языке. Очевидно, разговор шел по-французски еще и потому, что там имелся готовый инструментарий. А коль скоро разговоры происходили по-французски, то необходимость в соответствующих понятиях на русском слабела, выработка словаря замедлялась. Вместе с тем патриотические чувства заставляли обращаться к родному

языку, не говоря уже об очевидной необходимости составлять законы для России по-русски. Свои конституционные проекты и П. И. Пестель, и Н. М. Муравьев писали на русском языке, что делало необходимым выбор подходящих русских терминов, ведь нужно было ориентироваться не только на круг единомышленников, но и на всеобщее понимание.

Насколько хорошо эти два ведущих декабристских интеллектуала владели родным языком? Прежде всего, разумеется, их служебная деятельность, как и у всех вообще, осуществлялась на русском. И, как заметил относительно Пестеля выдающийся историк Б. Е. Сыроечковский, нет сведений, чтобы во время службы «он встречал какие-либо затруднения в своих занятиях из-за недостаточного знания русского языка», а дошедшая до нас его учебная тетрадь «свободна от грамматических и стилистических погрешностей»¹³.

Никита Муравьев был сыном образованнейшего дворянина конца XVIII столетия Михаила Никитича Муравьева, просветителя, литератора, товарища министра народного просвещения и попечителя Московского университета, учителя великих князей Александра и Константина Павловичей. В круг его друзей входили лучшие писатели и поэты — Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, а Н. М. Карамзин был близким домашним человеком. Михаил Никитич свои литературные произведения писал по-русски. Сын его получил отменное образование, слушал лекции профессоров Московского университета. Французским он, конечно, владел свободно, но письма к матери писал в основном по-русски¹⁴.

13 Сыроечковский Б. Е. П. И. Пестель и К. Ф. Герман (К вопросу о ранних политических воззрениях Пестеля) // Сыроечковский Б. Е. Из истории движения декабристов. М.: Издательство Московского университета, 1969. С. 30-31.

14 См.: Никита Муравьев. Письма декабриста. 1813-1826 гг. // подгот. текста, сост., вступ. ст., коммент. Э. А. Павлюченко. М.: Памятники исторической мысли, 2001.

Павел Пестель — из семьи служилых немцев, детство провел в Москве, вероятно, владел русским и французским как домашними разговорными, немецкий стал всерьез изучать, когда в десятилетнем возрасте был отправлен учиться в Германию. Переписывался с родителями на французском¹⁵. Отвечая на «вопросы о воспитании», он утверждал, что познакомился с политическими науками только по возвращении из Германии, когда готовился к поступлению в Пажеский корпус для завершения образования. Там требовалось знание политических наук, в корпусе их преподавал известный тогда профессор Карл Федорович Герман, немец, уроженец Данцига, выпускник Геттингенского университета. Позднее, в 1816 г., Пестель слушал лекции Германа дополнительно, частным образом; впрочем, Пестель заключил, что они мало отличались от лекций в Пажеском корпусе¹⁶. На каком языке читал Герман и, соответственно, Павел Пестель усваивал азы политических рассуждений? Б. Е. Сыроечковский указал, что среди его бумаг имелся конспект лекций введения в курс Германа «*Introduction générale du cours de sciences politiques*» («Общее введение в курс политических наук»), по-видимому, авторский текст самого профессора, переписанный рукой товарища Пестеля по корпусу Петра Козлянинова, выпустившегося за год до него¹⁷. Отсюда вытекает, что и преподавал Герман по-французски, да и вряд ли в ту эпоху от иностранца могли требовать вести лекции на русском языке.

В кругу товарищей по тайному обществу Пестель вел беседы по-французски. По показанию полковника П. В. Аврамова, в Тульчине «у полковника Бурцева и Пестеля были собрания книг о политических науках на французском языке, но я оными не пользовался по весьма малому знанию языка сего». Авра-

15 Письма родителей к П. И. Пестелю см.: Восстание декабристов. Документы. Т. XXII. Из бумаг П. И. Пестеля (семейная переписка)/под ред. С. В. Мироненко, сост. О. В. Эдельман. М.: РОССПЭН, 2012.

16 Восстание декабристов. Т. IV. С. 89.

17 Сыроечковский Б. Е. П. И. Пестель и К. Ф. Герман. С. 31.

мов утверждал, что, бывая у Пестеля, «заставая их (И. Г. Бурцева и П. И. Пестеля. — *Прим. авт.*) иногда и с другими членами в чтении и нередко о политических науках, слушивал, но, как французский язык, еще смею повторить, весьма мало понимаю, то и сие мало знакомило меня с предметами, коими они занимались»¹⁸. Денщик Пестеля Степан Савченко также ссылаясь на то, что не знает, о чем полковник вел разговоры с Н. И. Лорером и доктором Плесселем, потому что они говорили всегда по-французски¹⁹. То же утверждали на допросе в Тульчине слуги А. П. Барятинского и А. А. Крюкова: первый сообщил, что его господин с другими офицерами разговаривали «большею частию по-французски», второй — что «всегда по-французски»²⁰. Сохранившаяся среди бумаг Пестеля его французская рукопись (известна под публикаторским названием «Социально-политический трактат»²¹) написана хорошим стилем, автор свободно оперирует обычной для рассуждений о политике и общественном устройстве французской лексикой, ничем не выделяясь: такого рода трактат мог бы принадлежать любому усредненному французскому автору той эпохи.

Первые тетради «Русской Правды», по признанию А. П. Юшневского, Пестель дал ему «для поправления слога, полагая, что я правильное его знаю по-русски»²². Б. Е. Сыроечковский, комментируя этот эпизод, возразил, что словарь русских произведений Пестеля «богат и своеобразен, язык его работ свободен и гибок, точно и ясно передает мысль в самых тонких

- 18 Восстание декабристов. Т. XII. М.: Наука, 1969. С. 204. П. В. Аврамов, конечно, перед следствием стремился преуменьшить свою причастность к делам тайного общества. Впрочем, и в его формулярном списке значится, что он знал «российскому, частью французского и немецкого» (Там же. С. 188-189). Аврамов учился в I Кадетском корпусе.
- 19 Восстание декабристов. Т. XIX. М.: РОССПЭН, 2001. С. 430.
- 20 Восстание декабристов. Т. IV. С. 30-31.
- 21 Восстание декабристов. Т. VII. С. 289-295.
- 22 Восстание декабристов. Т. X. М.: Госполитиздат, 1953. С. 62, 75.

ее оттенках»²³. Можно согласиться с мнением ученого, что Павел Иванович не испытывал особых затруднений с выражением мысли по-русски. Однако русский язык у него тяжеловат, фразы громоздкие и рождают предположение, что его письменный стиль сложился под влиянием обучения на немецком языке. Писал он действительно грамотно, но не без некоторых отклонений. Одним из излюбленных слов Пестеля было «меропринятие», его личная причудливая вариация слова «мероприятие», совершенно в духе так называемой «народной этимологии» (что, кстати, свидетельствует об определенном чувстве языка)²⁴.

При этом П. И. Пестель был увлечен идеями А. С. Шишкова, ратовавшего за очищение «славянорусского языка» от иностранных заимствований. В списке (очевидно, далеко не полном) русских книг, принадлежавших Пестелю, оставшихся после его ареста и проданных с аукциона в Тульчине, насчитывающем всего 54 названия, имелось 4 книги Шишкова («Разговоры о словесности» (1812 г.); «Прибавление к разговорам о словесности, или Возражения против возражений, сделанных на сию книгу» (1812 г.); «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803 г.); «Прибавление к сочинению, называемому “О старом и новом слоге российского языка”» (1804 г.)²⁵). Увлечение идеями Шишкова, надо заметить, у Пестелей было семейным. Отец декабриста, И. Б. Пестель, в одном из писем с восторгом поделился с сыном сообщенным ему Шишковым «настоящим русским словом» — «истенник», услышанным от некоего крестьянина и означавшим «капитал»²⁶. Тема влияния Шишкова на Павла Пестеля

23 Сыроечковский Б. Е. П. И. Пестель и К. Ф. Герман. С. 30-31.

24 Пример из «Русской Правды», см.: Восстание декабристов. Т. IV. С. 118-119, 128, 137, 140, 143 и др.

25 Киянская О. И., Азиатцев Д. Б. Описание библиотеки П. И. Пестеля на русском языке // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография/сост. П. В. Ильин, М. В. Вершевская. Вып. V. СПб., Кишинев: Nestor-Historia, 2002. С. 17-26.

26 Восстание декабристов. Т. XXII. С. 167.

обстоятельно разобрана В.С. Парсамовым²⁷, однако, поскольку у настоящей работы несколько иные задачи, позволю себе отчасти повторить те же цитаты и примеры.

А.С. Шишков в упомянутых книгах много рассуждал не просто о засилье галлицизмов в русском языке, но как раз о неудачных примерах перевода: «...везде наткнулся я на иностранное слово: везде вместо явления нахожу *сцену*; вместо действия, *акт*; вместо уныния или задумчивости *меланхолию*; вместо баснословия, *мифологию*; вместо веры, *религию*; вместо стихотворческих описаний, *дескриптивную или описывательную поэзию*; вместо согласия частей, *гармоническое целое*; вместо предместия, *форштадт*; вместо разбойников, *бандиров*; ...вместо рассматривания книг, *рецензию*; вместо доблестушия, *героизм* и проч.»²⁸. Подробнее, нежели на иных примерах, Шишков остановился на переводе французского *révolution* как «переворот»: «Никогда в российском языке доселе не означало оно сего понятия. Оно с подобными сему словами *изворотиться, перевернуться, вывернуться*, употреблялось в простом или низком слоге, как например в следующих речах: *я хочу изворотиться или сделать переворот в деньгах; посмотрим, как он из этого вывернется...* Как странный состав речей происходит от сего глупопереведенного слова!» — и далее приводил в самом деле престранные образцы где-то вычитанного им перевода: «*ввести моря в переворот*», «*переворотный факел*», «*пентархия обратилась в поворотный круг*», «*французские переворотные флоты*», «*переворотная война сделалась войною округления*». Своей рекомендации, как лучше переводить на русский слово *révolution*, Шишков, однако, не предложил²⁹.

- 27 Парсамов В.С. П. И. Пестель как «архаист» // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли. К 85-летию Г.А. Гуковского. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. С. 126-146; Парсамов В.С. Декабристы и Франция. М.: Издательство РГГУ, 2010. С. 186-190.
- 28 Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1813. С. 343. Выделения сделаны в тексте книги.
- 29 Там же. С. 179-180.

П. И. Пестель действовал вполне в логике А. С. Шишкова, когда составлял два сохранившихся в его бумагах вместе с «Русской Правдой» словника с русскими эквивалентами заимствованных названий. В обоих словниках преобладает военная лексика, второй состоит из нее исключительно. Пестель полагал, что лучше говорить не «солдат», а *ратник*, кавалериста именовать *всадником*, кирасира — *латником*, жандарма — *рындой* и т. д. Один из словников³⁰, как считается (по атрибуции публикаторов бумаг Пестеля в VII томе «Восстания декабристов»), прилагался к незаконченной ранней рукописи «Записка о государственном правлении»³¹. Термины из этого словника действительно фигурируют в названной записке, однако можно заметить и различия. Так, в записке артиллерию предлагается называть «брономет», в словнике — «огнемет»; в записке фигурирует отсутствующее в словнике наименование для батальона — «сразин»³² и т. д. Второй словник³³ был отнесен публикаторами к «Записке о составе войска»³⁴, но в этом случае предложенная новая терминология в самой записке вовсе не употребляется, там Пестель использовал общепотребительную лексику и писал о дивизиях, корпусах, артиллерии, кавалерии, штабе, адъютанте, аудиторе, комиссариатской части, арсенале, казарме, а не соответственно *ополчении*, *рати*, *огнемете*, *коннице*, *управе*, *грядине*³⁵, *судебном блюстителе*, *бронной части*, *оружейне*, *военжилье*. Словник предлагал также именовать саблю — *рубня*, палаш — *меч*, пику — *дрот* или *тыкня* и т. д. Следуя за мыслью Шишкова, Пестель искал русские эквиваленты, иногда они находились легко (кавалерия — *конница*, каска — *шлем*),

30 Восстание декабристов. Т. VII. С. 264-267.

31 Там же. С. 219-263.

32 Там же. С. 241-243.

33 Там же. С. 407-409.

34 Там же. С. 385-406.

35 Применительно к *грядине* Пестель оставил следующий комментарий: «Древнее слово, которое почти в том же значении употреблялось и в старину», имея в виду, что это аналог слова «адъютант».

иногда приходилось приспосабливать не очень точно подходящее слово (штаб — *управа*, батарея — *бойница*), прибегать к вышедшим из употребления архаизмам (генерал — *воевода*, военное министерство — *военный приказ*, курьер — *goneц*). При полном отсутствии русского аналога Пестель изобретал неологизмы в архаизирующем псевдорусском стиле: патруль — *извед*, фрунт (строй в линии) — *рядобронь*, колонна (построение) — *толпник*, каре (построение) — *всебронь*, казарма — *ратожилье* (по первому словнику), *военжилье* (во втором словнике), флот — *плавень*.

Придуманная Пестелем «русифицированная» военная терминология хорошо иллюстрирует специфику его языкового мышления. Приняв ее к сведению, посмотрим, как декабрист оперировал лексикой общественно-политической. В первом словнике она присутствует, хоть ее и меньше, чем военной. Форма словника хороша тем, что Пестель, предлагая свой термин, дает аналогичное общеупотребительное слово, таким образом подтверждая нам, что эти слова, во-первых, были на тот момент общепонятными на русском языке и, во-вторых, Пестель знал их по-русски. В словнике к «Записке о государственном правлении» декабрист поместил основные, базовые понятия: «Государственный Устав — Конституция», «Самодержавье — Монархия. Вельможедержавье — Аристократия. Народодержавье — Демократия. Самовластье — Деспотизм. Вельможевластье — Олигархия. Народовластие — Охлократия. Зловластие — Тирания... Общедержавие — Республика»³⁶. Отметим также «Округ — Губерния», «Земельное разделение — Географическое разделение. Государственный Приказ — Министерство. Правосудие — Юстиция. Благочиние — Полиция. Государственный Скарб — Финансы»³⁷.

Пестель следовал своему времени, разделяя понятия *монархия/самодержавие* как нейтральные термины и наделенные негативным смыслом *деспотизм/самовластие*, *тирания/зловластие*.

36 Восстание декабристов. Т. VII. С. 264, 266.

37 Там же.

Пришедшие из Франции общественные теории исходили из того, что при правильном течении дел монарх, самодержавно (то есть суверенно) управляющий подданными, существует с ними в гармонии, правит справедливо и разумно; в противном случае монарх, не соблюдающий законов и разумного порядка, превращается в тирана и деспота. В XVIII в. для выражения этой идеи в русский язык вошло употребление противопоставления *самодержавия* и *самовластия*. Пестель, как мы видим, вводит еще одну градацию — *зловластие*/тирания.

В «Русской Правде» понятия этого ряда встречаются, но занимают весьма скромное место. *Самовластие* упомянуто трижды, слов *диктатура*, *диктатор* нет совсем, *тиран* присутствует один раз в виде исторической отсылки: «Воспоминания о древности Нижегородской дышут свободою и прямою Любовью к Отечеству, а не к тиранам его» (при обосновании переноса столицы государства в Нижний Новгород)³⁸.

Слово *деспот* отсутствует, *деспотизм* употреблен один раз во фразе «законное противуборство частному Деспотизму», здесь речь не о правителе государства, а о принципах организации Волостного правления³⁹, то есть о предотвращении самоуправства отдельных лиц. Слово *частный* Пестель употреблял исключительно в смысле «отдельный», «единичный», без оттенка «приватный, личный, не связанный со службой или публичностью». А вот понятие *зловластие* понадобилось ему 19 раз.

Отсутствуют в «Русской Правде» слова *анархия*, *безначалие*, нет также ни *монарха*, ни *монархии*, ни *республики*, ни *самодержавия*. Да и слова *конституция* тоже нет. При этом в показаниях на следствии Пестель свободно оперировал такого рода понятиями. В «Русской Правде» их нет прежде всего по причине характера этого текста, а также, очевидно, из-за того, что она не окончена. Ее принято именовать конституционным проектом, что по суще-

38 Там же. С. 129.

39 Там же. С. 188.

ству неточно — это скорее трактат об основах будущего государственного устройства России. Неслучайно старательно выписанное Пестелем на титульном листе полное ее название звучит как «Русская Правда, или Заповедная Государственная Грамота Великого Народа Российского, служащая Заветом для Усовершенствования Государственного Устройства России и Содержащая Верный Наказ как для Народа, так и для Временного Верховного Правления». Ни по форме, ни по содержанию «Русская Правда» на конституцию не похожа, однако и отвлеченным теоретическим сочинением она не является. Главы, в которых должно было быть описано устройство государственной власти и управления, как уже сказано выше, остались невоплощенными. Там Пестелю понадобились бы понятия общего порядка, определяющие форму правления. На следствии он сообщил, что «Глава шестая должна была рассуждать о верховной власти и быть написана вдвойне: одна в монархическом, а другая в республиканском смысле. Любую можно было бы избрать и в общее сочинение включить»⁴⁰. То есть декабрист оставлял выбор формы правления будущему Временному правительству или же Учредительному собранию.

Возвращаясь к вопросу о Шишкове, критиковавшем перевод французского *révolution* как *переворот*, сошлюсь на наблюдение М. П. Одесского, что в показаниях П. И. Пестеля непринужденно чередуются на правах синонимов оба варианта: и калька *революция*, и *переворот*⁴¹. Неслучайно исследователь сослался именно на показания Пестеля, ведь в «Русской Правде» это понятие отсутствует.

Слово *демократия* употреблено в «Русской Правде» лишь дважды, в обоих случаях применительно к древней истории: «Когда Государства так еще были малы, что все Граждане на одном

40 Восстание декабристов. Т. IV. С. 114.

41 Одесский М. П. Вольнодумный тезаурус декабристов. *Révolution* — революция — переворот — превращение // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. С. 496–497.

месте или небольшом поле собираться могли... тогда Каждый Гражданин имел Голос на вече и участвовал во всех Совещаниях Народных. Демократия существовала тогда. Сей порядок должен был измениться с увеличением Государств, когда уже нельзя было всем Гражданам собираться на одном месте. Демократия тогда была уничтожена»⁴². Ей на смену пришла *феодальная система*, которую Пестель, вслед за антиклерикальной и антимонархической критической традицией Века Просвещения, оценивал сугубо негативно: «Одни только Богатые или Военные начали съезжаться для участия в Государственных Делах. Тогда возникла Аристократия, а потом и вся феодальная Система со всеми ее ужасами и злодеяниями... Таким образом Аристократия и вся вообще Феодальная Система много веков свирепствовали над несчастною Европою, заставляя Народы переходить все степени Злополучия и Угнетения»⁴³. По Пестелю, сохраняющаяся в крупных государствах невозможность «всем Гражданам собираться на одном месте» делает неосуществимой прежнюю прямую демократию, выходом должна стать система *представительного правления*, то есть не прямых, а многоступенчатых выборов, когда граждане выбирают своих представителей для участия в выборах следующего уровня, что «согласило Невозможность собираться всем Гражданам на одно место с неоспоримым правом Каждого участвовать в Государственных Делах»⁴⁴. Не вдаваясь в особенности представлений Павла Пестеля об избирательной системе, отметим, что он, вероятно, потому и применил понятие *демократия* только к древности, что трактовал ее исключительно в духе народного собрания античного полиса или новгородского вечевого строя. То есть, исходя из этого словопотребления, для Пестеля *представительное правление* было

42 Восстание декабристов. Т. VII. С. 188.

43 Там же.

44 Там же. См. об этом также оценку М. Б. Велижева (Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 444).

не разновидностью *демократии*, а появляющейся на ином историческом этапе другой формой правления.

Для жесткой критики *аристократии* (*аристократии*, *аристократов*, *аристократического порядка*) Пестелю в «Русской Правде» пришлось упомянуть их 15 раз. Причем он говорил о двух сменяющих друг друга явлениях: *аристократия феодализма* и *аристократия богатств*. Под вторым он имел в виду такое положение вещей, когда «предоставлено участие в избрании Представителей одним только Богатейшим Людям, за исключением большинства Граждан. Таким образом, заменяет в тех Государствах Аристократия Богатств Аристократию Феодализма, и Народы не только ничего не выиграли, но даже, напротив того, в некотором отношении еще в худшее приведены Политическое Положение, ибо в насильственную поставлены Зависимость от Богатых»⁴⁵. Следовательно, здесь речь о том, что можно было бы именовать *олигархией*, однако Пестель этот термин не употреблял, а предпочел говорить об *аристократии богатств*.

В «Русской Правде» Пестель не воспользовался придуманными им прежде русифицированными терминами *народодержавие*, *народовластие*, *общедержавие*, как и *вельможедержавие*, остановившись на общепринятом *аристократия* (с вариантом *аристократия*). Вообще по приведенным примерам видно, что при составлении «Русской Правды» он отошел от увлечения приисканием русских аналогов более-менее устоявшимся уже заимствованным понятиям и употреблял те, что считал более ясными для всех. Но и калькирования, прямого транслирования иностранных терминов по возможности избегал. Он не употреблял слово *приказ* в смысле учреждения, пользуясь словом *министерство* (встречается в тексте дважды с отсылками к ненаписанным главам, где должна была быть описана система министерств). В тексте «Русской Правды» нет *юстиции*, есть *правосудие* (1 раз), нет *благочиния*, есть *полиция* (8 раз), *финансы* (3 раза, о них, со-

45 Восстание декабристов. Т. VII. С. 189.

гласно показанию Пестеля, подробнее должна была трактовать ненаписанная глава 9⁴⁶), а вовсе не предлагавшийся в словнике *государственный скарб*. Слово *скарб* присутствует, но только в названии «скарбовый список», куда должны были быть занесены граждане, обладающие собственностью в конкретной волости⁴⁷. Похоже, что ко времени создания «Русской Правды» П. И. Пестель остыл к сугубо языковым проблемам, теперь ему было важнее точно и ясно выразить свою мысль. В «Русской Правде» есть наименования, отсылающие к русской старине и традиции, но, в сущности, их немного, самые заметные — это название самого памятника и *вече*. Пестель писал об административном делении на *волости*, *уезды* и *округа*, но также и *губернии*, как единицу между уездом и округом. Размышления о политических реформах очевидно взяли верх над мечтами о реформировании и очищении языка.

Пестель говорил о *представительном* правлении/соборе/порядке (12 раз), выборных народных *представителях* (13 раз), но не *депутатах* или *делегатах*. Кстати, не употреблял он и слов *выборные*, *выборщики*, а вот *выборы*, *выбор* здесь есть (11 раз), наряду с *избранием* (10 раз). Не пользовался Пестель и словом *баллотировка*, которое тогда было вполне в ходу применительно к дворянским выборам, а также имелось в российском законодательстве XVIII в. относительно вводившейся иногда процедуры назначения на должность путем избрания (баллотирования). Представляется, что отсутствие синонимического ряда при описании избирательного процесса свидетельствует о том, что сам этот процесс был для декабристов еще абстракцией, они его мыслили в самых общих чертах.

В числе употребительных в «Русской Правде» понятий значатся слова *общество*, *общественный* (суммарно они встречаются 149 раз); но слова *общественность* в тексте нет. Разумеется,

46 Восстание декабристов. Т. IV. С. 114–115.

47 Восстание декабристов. Т. VII. С. 180.

П. И. Пестель не пользовался несвойственным его времени калькированным термином *социальный*, как и вполне бытовавшим тогда *публика* (возможно, это слово имело для него отчетливые коннотации, связанные с театральной и читательской аудиторией). Однажды возникло слово *публичный*, и то в словосочетании *публичный торг*⁴⁸, что можно расценивать как устоявшееся название вида торговли. Как аналог *гласности* Пестель его не применял, само слово *гласность* он использовал лишь трижды в форме *гласный*, в том числе дважды подряд повторил формулу «за гласный и доказанный разврат»⁴⁹, в третий раз говорил о «предметах, которые не могут быть сделаны Гласными»⁵⁰. Если судить по этому контексту, для него *гласность* была синонимом *огласки*, но не характеристикой общества со свободой информации.

По-видимому, для Павла Пестеля практически синонимичными были понятия *налог* (встречается 6 раз), *повинность* (27 раз) и *подать* (22 раза). Он чередовал их как взаимозаменяемые в разделах, перечисляющих прямые и косвенные повинности, и конкретизировал как денежные повинности, личная повинность, повинность военной службы и др.⁵¹

Интересно сравнить позицию Пестеля с установками, которые мы обнаруживаем в конституции Никиты Муравьева. В последнем тексте употребление перечисленных понятий следующее. Не встречаются слова *монархия*, *республика*, *демократия*, *аристократия*, *самовластие*, *тиран*, *деспот*, *деспотизм*, *диктатура*, *диктатор*, *депутат*, нет и излюбленного Пестелем слова *зловластие*. Здесь также нет *анархии*, *олигархии*, *охлократии*, *безначалия*. Н. М. Муравьев не прибегал к термину *представительное правление*, притом что слово *представитель* употребил 36 раз, *выбор/выборы/выборные* — 48 раз, в том числе *выборные* — 24; *общество*,

48 Там же. С. 198.

49 Там же. С. 185.

50 Там же. С. 204.

51 Там же. С. 200-202.

общественный — 42 раза, *публичный* встречается единожды («Заседания обеих Палат *публичные*»⁵²), понятия *публика* нет, как и у Пестеля; однажды употреблено слово *гласный* («гласная расправа»⁵³). Как и Пестель, Муравьев использовал термины *налог*, *подать*, *повинность* на правах синонимов.

Обоим декабристам в их проектах не понадобилось определение *либерал*, *либеральный*. Оба предпочли слова *свобода* (у Пестеля — 45 раз, у Муравьева — 7), *вольность* (у Пестеля — 32 раза, у Муравьева — 2 раза, в обоих случаях он говорил о *вольных хлебопашцах* и *поселянах*, которые сделаются *вольными*). Примечательно, что ни тот, ни другой не сочли нужным подхватить выражение *законно-свободные учреждения*, которым, как известно, после тщательного отбора вариантов было переведено на русский слово *libéral* в речи Александра I на открытии Варшавского сейма в 1818 г.

Еще одно слово, отсутствующее в политическом тезаурусе декабристов, — это *партия* в смысле *политическая партия*. Ни в «Русской Правде», ни в конституции Н. М. Муравьева его нет. Однако Пестель использовал его в показаниях на следствии в контексте «партии и козни». Так, объясняя планы тайного общества, П. И. Пестель говорил, что считал нужным заранее решить, за какой образ правления выступает общество, ибо «ежели сие не будет твердым образом постановлено и соглашено, то легко родиться могут партии и разные Козни»⁵⁴. Сопоставив это словоупотребление с его же известным показанием о «партии в масках» под командой М. С. Лунина для покушения на Александра I и употреблением французских однокоренных *part* (часть, доля), *parti* (отдельная группа), *partisan* (приверженец, сторонник), породивших в 1812 г. русскую кальку *партизан*

52 Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 276.

53 Там же. С. 274.

54 Восстание декабристов. Т. IV. С. 87, 102. В двух разных показаниях Пестель дословно повторил эту фразу.

и термин *партизанский отряд*, можно заключить, что для Пестеля *партия* означала часть, фракцию, осколок целого. Он был весьма далек от понимания *партии* как политического объединения единомышленников, а напротив, ассоциировал *партию* с расколом, раздором, интригами.

В целом в том, что касается использования заимствованных галлицизмов или их русских эквивалентов, тексты Пестеля и Муравьева выглядят примерно одинаково. П. И. Пестель увлекался идеями А. С. Шишкова, Н. М. Муравьев был по-домашнему близок к Н. М. Карамзину (хоть и оставил темпераментные возражения на его «Историю»⁵⁵), то есть они примыкали к противоборствовавшим тогда литературным лагерям. Однако на языке их главных трудов это практически не отразилось.

У П. И. Пестеля слово *политический* (в разных падежных формах) фигурирует 73 раза, а *государство*, *государственный* — 353, отсюда сразу видно, что находилось в фокусе его интересов. У Н. М. Муравьева первого из упомянутых слов не отмечено, второе встречается 4 раза. Слово *закон* и однокоренные у Пестеля — 165 раз, *беззаконие* — 1 раз, *право* — 86, *права* (во множественном числе) — 88. У Н. М. Муравьева (в значительно более коротком тексте его конституции) слов с корнем *закон* — 62, *право* — 38, *права* — 23 раза, *беззаконие* — нет. При этом нигде у декабристов, не только в конституционных проектах, но ни в каких текстах вообще (даже сибирских), мне не удалось обнаружить словосочетания *права человека*. Декабристы, разумеется, предусматривали набор основных прав и свобод (свобода слова, которую они чаще называли *свободой книгопечатания*, свобода вероисповедания, никто не может быть арестован без суда и пр.), но расписывали их по отдельности. Рамочного же объединяющего понятия

55 Ланда С. С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816-1825. М.: Мысль, 1975. С. 63-65; Парсамов В. С. Декабристы и Франция. С. 216-223.

права человека не применяли, хотя по идее оно восходит к «Декларации прав человека и гражданина» («Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen») 1789 г. Однако, повторяюсь, в такой форме декабристы его не использовали совсем. Для Пестеля парным к *праву* важным понятием была *обязанность* (77 упоминаний), он увязывал одно с другим и говорил о том, что права вытекают из обязанностей («Правительство имеет *обязанность* распоряжаться общим действием и избирать лучшие средства для доставления в Государстве Благоденствия всем и каждому. А по сему имеет оно *Право* требовать от Народа, чтобы оный ему повиновался»⁵⁶ и т. п.). Взаимному соотношению прав и обязанностей посвящены первые параграфы «Русской Правды». В конституции Муравьева такого рода общих суждений нет, а слово *обязанность* встречается лишь 4 раза.

Слово *народ* с производными в «Русской Правде» повторено 315 раз, *гражданин, граждане, гражданство* — в общей сложности 229 раз, из них на *гражданство* приходится 20 упоминаний. *Подданные, подданство* встречаются 15 раз, из них 13 в одном и том же разделе «*Иностранцы Подданные и Неподданные*», где речь идет о праве на русское гражданство⁵⁷. Остальные два случая имеют тот же смысл обсуждения русского и иностранного гражданства/подданства. Таким образом, для Пестеля *подданство* означало принадлежность к тому или иному государству/стране, тогда как *гражданство* описывало отношение личности к своему государству/отечеству. Ну и, разумеется, в более общем смысле, согласно политической мысли той эпохи, *граждане* возможны лишь в республике, у монарха же бывают только *подданные*. Четыре раза Пестель использовал слово *чернь*, в одном и том же разделе и исключительно в контексте: «опасения, чтобы так называемая Чернь не волновала Государства»; «Волнения в Государ-

56 Восстание декабристов. Т. VII. С. 114. Курсив в цитате принадлежит П. И. Пестелю.

57 Там же. С. 148-149.

ствах никогда не были чернью производимы, но всегда богачами и Аристократами»⁵⁸. Как можно заметить, слово это, означающее у него бунташные социальные низы, Пестель использовал с оговоркой («так называемая») для ситуативного описания, причем в негативном ключе в том смысле, что *чернь*, по его мнению, вовсе не является причиной беспорядков. Частью базовой социальной, сословной иерархии *чернь* для декабриста не была.

Дважды в «Русской Правде» Пестель употребил понятие *нация*, в обоих случаях применительно к иностранцам: «Иностранцы, в России живущие, суть частные лица разных наций»; «Иностранцы, в России находящиеся и к разным другим нациям принадлежащие...»⁵⁹. По мнению А. И. Миллера, для Пестеля понятие *нация* было синонимично понятию *русский народ*, «сама оговорка о *других* нациях свидетельствует, что он имплицитно имеет в виду и *нацию* Российского государства». Формула *нация* применялась с XVIII в. «как инструмент внешнеполитической репрезентации» и в XIX в. часто имела именно значение сопоставления с другими народами, «если Россия среди других, то *нация*, а если речь идет только о России, вне сравнительного контекста, то естественнее употребить понятие *народ*»⁶⁰. К этому наблюдению можно добавить, что паре *народ/нация* составляет параллель пара *гражданство/подданство*, усиливая тезис, что в том и другом случае мы имеем дело с оппозицией внутреннего и внешнего по отношению к Российскому отечеству.

Шесть раз Павел Пестель прибегнул к слову *рабство*, всегда в однотипных словосочетаниях: «Рабство должно быть решительно уничтожено», «содействовать всеми силами к уничтожению рабства и Крепостного Состояния»⁶¹ — все эти места звучат у него публицистически остро. Очевидно, Пестель пре-

58 Там же. С. 192.

59 Там же. С. 137, 148. Курсив в цитате принадлежит П. И. Пестелю.

60 Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 520-521. См. также более развернуто: Там же. С. 517-524.

61 Там же. С. 156.

красно понимал формальную разницу между рабом и крепостным и слово *рабство* использовал как метафору, усиливающую и подчеркивающую его возмущение этим явлением. Форма *раб/рабы* у него отсутствует.

В конституционном проекте Никиты Муравьева наблюдается в целом сходное отношение к перечисленной группе понятий. Слово *народ* и производные встречаются 73 раза, *гражданин*, *гражданство* — 53, *подданство* — 1 раз, и так же, как у Пестеля, имеется в виду «подданство иностранного государства». Слова *чернь*, *нация* Муравьеву не понадобились, *рабство* он употребил 1 раз, в том же самом контексте отмены «крепостного состояния и рабства»⁶².

Для декабристов, организовавших Союз благоденствия, была бы естественной особая приверженность к этому понятию. В «Русской Правде» в самом деле слово *благоденствие* как образ желаемого будущего России употреблено 51 раз. Уточняя, Пестель пояснил, что «*Государственное Благоденствие* состоит из двух главных предметов: из *Безопасности* и *Благосостояния*. Отличительное и главное качество Безопасности есть *охранение*, а Благосостояния есть *приобретение*», достижение *благоденствия* должно быть главной целью правительства. Эти три понятия Пестель указал как основные и базовые, посвятив им параграф 9 «Введения» в свой труд⁶³. Слово *безопасность* насчитывает 18 упоминаний (в том числе 6 — в параграфе 9), *благосостояние* — 10 (из них также 6 — в параграфе 9). В конституции Н. М. Муравьева ни одно из этих слов не присутствует.

Существует целая историография, посвященная сравнению конституционных проектов П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева. Как правило, в центре внимания их разногласия по вопросу унитарного или федеративного характера государства, наличия или отсутствия избирательного ценза, предпочтения республики

62 Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 269.

63 Восстание декабристов. Т. VII. С. 117.

или конституционной монархии и т.д. Существенно, помимо этого, что текст Пестеля имел выраженный морализаторский характер, значительно менее свойственный муравьевскому проекту. Пестель в разных разделах «Русской Правды» возвращался к мысли, что в правильно устроенном государстве *права* и *свобода* ограничены *обязанностями* и *нравственностью* (это слово встречается 22 раза), заботился о поддержании *добродетели* (10 упоминаний). У Муравьева последнего слова вовсе нет, *нравственность* упомянута четырежды. Впрочем, можно предположить, что причина не в том, что Никита Михайлович был менее озабочен вопросами морального плана, а в ином характере, жанре текста: его проект написан как свод основных законов, тогда как, повторяюсь, «Русская Правда» есть трактат о принципах устройства будущей России.

Павел Пестель и Никита Муравьев были двумя вершинами декабристской политической и общественной мысли. Между ними много сходства, но есть и напряжение серьезной дискуссии. В литературе в большей степени обсуждалось различие их позиций. На мой взгляд, объединяющего здесь было гораздо больше. Изучение лексикона, которым они пользовались, может дать интересные результаты не только в той области, которую затрагивает данная статья. Предметом дальнейшего анализа, например, могут стать термины, описывающие «*земельное пространство государства*» (в формулировке П. И. Пестеля), границы, территориальные единицы; социальные группы и народы; брак, семью, исчисление родства, наследование; виды деятельности, ремесла, земледелие, торговлю и т.д. Малоизученными остаются представления обоих декабристов о государственном хозяйстве и экономике (затрагивающие эту тематику работы написаны в 1950-х гг., период безраздельного господства советской экономической теории, относительно декабристов мало что проясняющей). Общность идей П. И. Пестеля, Н. М. Муравьева, декабристов вообще была, конечно, более широким явлением — общностью мнений их поколения, их времени.

Разговор же о различиях следует начинать с указания на бросающуюся в глаза несхожесть личностного становления обоих декабристов, простирающуюся гораздо дальше отмеченного выше спора о развитии русского языка между сторонниками А.С. Шишкова и Н.М. Карамзина. Пестель, за плечами которого была учеба в Германии у частных профессоров — в действительности мы мало знаем, чему и как он учился⁶⁴, — служил в провинции (Митава, Тульчин), был занят повседневной штабной службой, затем командовал пехотным полком в глуши. Он не вращался в кругах столичных умников, а в Тульчине просто не существовало необходимой ему интеллектуальной среды. Как автор и мыслитель Пестель, в сущности, был самоучкой, его развитие проходило в интеллектуальной изоляции.

Жизнь Никиты Муравьева, напротив, протекала в столице, содержание его образования понятно (сохранились его учебные тетради, обширный комплекс писем, доступна для изучения муравьевская библиотека⁶⁵ с многочисленными маргиналиями); известен круг писателей и ученых из окружения его отца. Наконец, Муравьев служил в Гвардейском генеральном штабе, месте средоточия высокообразованных военных теоретиков. В отличие от Пестеля, Муравьев существовал в интеллектуальном мейн-стриме и его идейный путь хорошо документирован.

Два идейных лидера декабризма при взгляде на них исследователя оказываются словно бы в неравном положении. Однако как раз обращение к политическому лексикону в известном смысле «уравнивает их права», возвращая историка к текстам как таковым и открывая перспективы иного, более глубокого понимания

64 От П.И. Пестеля сохранилось лишь некоторое количество рукописей и два списка книг его библиотеки (русских и иностранных), очевидно неполных (Зайончковский П.А. К вопросу о библиотеке П.И. Пестеля // Историк-марксист. 1941. № 4. С. 86-89). Любая реконструкция его идейного формирования будет неизбежно гипотетична: мы не знаем, чему именно он учился и какие книги были им действительно прочитаны.

65 Хранится в Отделе редких книг Научной библиотеки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

интеллектуального вклада столь неординарных мыслителей, какими были Павел Пестель и Никита Муравьев.

Литература:

1. Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н. М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985. С. 5-304.
2. Киянская О. И., Азиатцев Д. Б. Описание библиотеки П. И. Пестеля на русском языке // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. V. СПб., Кишинев: Nestor-Historia, 2002. С. 17-26.
3. Ланда С. С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816-1825. М.: Мысль, 1975. 153 с.
4. Мироненко С. В., Эдельман О. В. Устав Союза благоденствия («Зеленая книга») // Ежегодник Государственного архива РФ: публикации, исследования, рецензии/ гл. ред. С. В. Мироненко. М.: б/и, 2024. С. 554-583.
5. Одесский М. П. Вольнодумный тезаурус декабристов. Révolution — революция — переворот — превращение // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы/сост. О. И. Киянская, М. П. Одесский, Д. М. Фельдман, отв. ред. О. И. Киянская. М.: Издательство РГГУ, 2008. С. 494-502.
6. Парсамов В. С. Декабристы и Франция. М.: Издательство РГГУ, 2010. 432 с.
7. Парсамов В. С. П. И. Пестель как «архаист» // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли. К 85-летию Г. А. Гуковского. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. С. 126-146.
8. Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века/под ред. К. А. Соловьева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 824 с.

9. Сыроечковский Б. Е. П. И. Пестель и К. Ф. Герман (К вопросу о ранних политических воззрениях Пестеля) // Сыроечковский Б. Е. Из истории движения декабристов. М.: Издательство Московского университета, 1969. С. 14-57.

10. Тимофеев Д. В. История декабризма в контексте методологии истории понятий: перспективы и принципы применения // Историческая память России и декабристы. 1825-2015. Сб. материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14-16 декабря 2015 г.)/сост., отв. ред. П. В. Ильин. СПб. — Иркутск: Иркутский обл. историко-мемориальный музей декабристов, 2019. С. 127-135.

11. Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1813. 436 с.

12. Эдельман О. В. 1812-й год и генезис декабризма // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 3-7.

13. Эдельман О. В. Павел Пестель: Очерки. С приложением «Русской Правды» П. И. Пестеля [1824]. М.: Модест Колеров, 2022. 472 с.

References

1. Druzhinin, N. M. (1985) “Dekabrist Nikita Murav’ev” [“Decembrist Nikita Murav’ev”], in Druzhinin N. M. *Izbrannye trudy. Revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii v XIX v.* [Selected Works. Revolutionary Movement in Russia in the 19th Century]. Moscow: Nauka, pp. 5-304.

2. Edel'man, O. V. (2012) “1812 god i genezis dekabrizma” [“1812 and the Genesis of Decembrism”], *Gumanitarny'e nauki v Sibiri*, 3, pp. 3-7.

3. Edel'man, O. V. (2022) *Pavel Pestel': Ocherki. S prilozheniem “Russkoy Pravdy” P. I. Pestelya [1824]* [Pavel Pestel: Essays. With an Appendix of “Russian Pravda” by P. I. Pestel [1824]]. Moscow: Modest Kolerov.

4. Kiyanskaya, O. I., Aziatcev, D. B. (2002) “Opis' biblioteki P. I. Pestelya na russkom yazyke” [“Pavel Pestel's Library Inventory (Books on Russian)”], in *14 dekabrya 1825 goda: Istochniki, issledo-*

vaniya, istoriografiya, bibliografiya. Vyp. V [December 14, 1825: Sources, Research, Historiography, Bibliography. Vol. V]. St. Petersburg, Kishinev: Nestor-Historia, pp. 17-26.

5. Landa, S. S. (1975) *Duh revolyutsionnih preobrazovaniy... Iz istorii formirovaniya ideologii i politicheskoy organizatsii dekabristov. 1816-1825* [The Spirit of Revolutionary Transformations... From the History of the Decembrists' Ideology Formation and Political Organization. 1816-1825]. Moscow: Mysl'.

6. Mironenko, S. V., Edel'man, O. V. (2024) "Ustav Soyuza blagodenstviya ("Zelenaya kniga")" ["Union of Prosperity Charter ("Green Book")"], in *Ezhegodnik Gosudarstvennogo arhiva RF: publikatsii, issledovaniya, retsenzii*/ed. by S. V. Mironenko [Annual Collection of the State Archives of the Russian Federation: Publications, Research, Reviews]/ed. by S. V. Mironenko]. Moscow, pp. 554-583.

7. Odesskij, M. P. (2008) "Vol'nodumnyy tezaurus dekabristov. Révolution — revolyutsiya — perevorot — prevrashchenie" ["Free-thinking Thesaurus of the Decembrists. Révolution — Revolution — Upheaval — Transformation"], in *Dekabristy. Aktual'nye problemy i novye podhody*/ed. by O. I. Kiyanskaya [The Decembrists. Current Agenda and New Approaches]/ed. by O. I. Kiyanskaya]. Moscow: Izdatel'stvo RGGU, pp. 494-502.

8. Parsamov, V. S. (2010) *Dekabristy` i Frantsiya* [Decembrists and France]. Moscow: Izdatel'stvo RGGU.

9. Parsamov, V. S. (1984) P. I. "Pestel' kak 'arhaist'" ["Pestel as an 'Archaist'"], in *Problemy istorii kul'tury, literatury, sotsial'no-ekonomicheskoy mysli. K 85-letiyu G. A. Gukovskogo* [Problems on the History of Culture, Literature, Socio-Economic Thought. On G. A. Gukovsky's 85th Anniversary]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, pp. 126-146.

10. *Res Publica: Russkiy respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka*/ed. by K. A. Solov'ev (2021) [Res Publica: Russian Republicanism from the Middle Ages to the End of the 20th Century]/ed. by K. A. Solov'ev]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

11. Shishkov, A. S. (1813) *Rassuzhdenie o starom i novom sloge rossi-*

yskogo yazyka [A Discussion on the Old and New Syllables of the Russian Language]. St. Petersburg.

12. Syroechkovskiy, B. E. (1969) P. I. “Pestel” i K. F. German (K voprosu o rannih politicheskikh vozzreniyah Pestelya)” [“P. I. Pestel and K. F. German (On the Issue of Pestel's Early Political Views)”], in Syroechkovskiy, B. E. *Iz istorii dvizheniya dekabristov* [From the History of the Decembrist Movement]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 14-57.

13. Timofeev, D. V. (2019) “Istoriya dekabrizma v kontekste metodologii istorii ponyatiy: perspektivy i printsipy primeneniya” [“The History of Decembrism in the Optics of the History of Concepts Methodology: Prospects and Principles of Use”], in *Istoricheskaya pamyat' Rossii i dekabristi. 1825-2015. Sb. materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 14-16 dekabrya 2015 g.)*/ed. by P. V. Il'in [Historical Memory of Russia and the Decembrists. 1825-2015. Collection of Materials on the International Research Conference (St. Petersburg, December 14-16, 2015)/ed. by P. V. Il'in]. St. Petersburg — Irkutsk: Irkutskiy obl. istoriko-memorial'nyy muzey dekabristov, pp. 127-135.